

ГДЕ РОЖДАЛАСЬ ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

ПУТЕВЫЕ НОВЕЛЛЫ

НА САМОМ берегу обрыва, откинувшись на спинку скамейки, сидела седовласая, коротко стриженная женщина в шапочке из бересты. Она сосредоточенно читала и лишь временами, оторвав глаза от книги, окидывала задумчивым взглядом долину, лежащую под пригорком, речку, протекавшую вдоль леса.

Я сел на краешек скамьи, раскрыл свою книгу и тоже углубился в чтение.

— Дивная вещь! — услышал я спустя некоторое время негромкий голос соседки, как бы обращенный к самой себе. Она закрыла книгу, и я увидел, что в руках у нее — весенняя сказка Островского «Снегурочка».

Я что-то ответил на ее замечание, она спросила, что я читаю, и мы разговорились...

— Гетэ верно заметил: если хочешь узнать поэта, побывай у него на родине, — сказала моя собеседница.

Она удивила меня подробным знанием Щелыкова. Но все стало ясно, когда она назвала себя: рядом со мной была Мария Михайловна Шателен, внучка прославленного драматурга.

Ее мать, Мария Александровна, — старшая дочь Островского, а отец, Михаил Андреевич Шателен, — известный советский энергетик, профессор Ленинградского политехнического института, член Государственной комиссии по электрификации России.

Мария Михайловна долгое время работала в библиотеке Академии наук СССР. Ей уже за семьдесят пять. Живет, как и прежде, в Ленинграде. Но каждую весну приезжает в любимое Щелыково и до осени не покидает его.

Разговаривая, мы незаметно подошли к старинному дому. Деревянный, с мезонином и колоннадой, построенный во вкусе и стиле того века, он картинно возвышался над крутым обрывом. Александр Николаевич Островский здесь жил и работал в шестидесятых — вось-

мидесятых годах прошлого столетия, приезжая на летние месяцы в деревню.

Распахнуты окна столовой. Мягкие солнечные блики ложатся на стены, ветерок играет концами скатерти. Раздвижной стол, такой, за который можно было посадить сразу сорок гостей.

Гостиная со стеклянной дверью на террасу. Диван, кресла, картины, зеркало, фортепьяно.

Фотографии на стенах кабинета знакомят с родными и друзьями Островского. По долгу гасили у него в Щелыкове артисты, драматурги, писатели. Письменный стол сделал, по семейным преданиям, сам Островский. Александр Николаевич до позднего вечера засиживался за ним. Его рабочий день нередко длился шестнадцать часов. Он не без оснований сетовал: «Я езжу не из Москвы в деревню и обратно, а из кабинета в кабинет и природу вижу только проездом».

Начинал Островский здесь «Лес», «Таланты и поклонники», «Без вины виноваты». Тут написаны почти все страницы «На всякого мудреца довольно простоты», «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Последней жертвы», «Бесприданницы». И здесь же, в Щелыкове, была создана «Поздняя любовь».

На столе всегда лежали стопки чужих пьес. Их присылали ему во множестве на суждение и отзыв. Он каждое произведение прочитывал внимательно, отвечал обстоятельно. Иные пьесы правил или переделывал, отнимая у себя драгоценные часы и дни.

Никто для русского театра не писал так много, как Островский. Он создал сорок семь оригинальных пьес и семь написал совместно с молодыми авторами, уча их мастерству драматургии. Переводил с английского, испанского, итальянского, французского, латинского. Познакомил русских читателей с произведениями Шекспира, Гольдони, Джакомо Пери Островского принадле-

жат переводы двадцати двух пьес.

Его докладные записки в дирекцию императорских театров и в министерство императорского двора полны забот и раздумий о театре, о настоящем и будущем драматического искусства в России.

Он жил театром и для театра. Искусство он мыслил себе только как подвиг.

Мы вышли за калитку музея-усадьбы.

Широкая улица, затененная раскидистыми елями, пересекает Щелыково. По сторонам коттеджи с верандами, а вот и двухэтажное, с красивым подъездом здание столовой и клуба дома отдыха артистов. Школа за частоколом. Она построена вдовой Островского для крестьянских детей и названа в его честь.

Подле Щелыкова деревня Ладыгино. Небольшая, как и все здешние селения. Домики с островерхими крышами и резными карнизами, с крыльчниками и кустами сирени под окнами.

Голубеет вдоль проселка лен, и его поля, вкрапленные в золотистые хлебные нивы, издалека кажутся кусочками упавшего неба.

Медленно по длинному оврагу мы поднялись на высокий и крутой левый берег Куекши.

Луг, словно огромный зеленый ковер, вытканый белыми ромашками.

Мария Михайловна срыгает ромашку.

— На память о Щелыкове. И еще о Субботине, — произносит она, протягивая прелестный полевой цветок. Потом замечает: — На месте этого луга когда-то стояла старинная деревенька Субботино.

Тут, по всему левому берегу Куекши, до впадения ее в Сендегу, рос густой хвойный лес. Лес этот давно сведен, давно нет и Субботина. Но живет в памяти народной эта деревенька, как место сказочной слободки берендеев. Той, куда была отдана к бездетному Бобылю и Бобылихе лесная девушка Снегурочка. Александр Николаевич, очарованный поэтиче-

ским местоположением Субботина, с него писал волшебную Берендеевку.

Моя спутница говорит: — Помните Ярилина долину в «Снегурочке»? Она ведь тоже щелыковская. Под таким названием и сейчас существует долина на Куекше. Она напротив, на том, низком правом берегу реки.

Издrevле Ярилина долина была местом народных увеселений. Из ближних и дальних деревень собирались сюда крестьяне на гулянья. Приезжали на телегах владельцы окрестных мелочных лавочек и торговали красным товаром — ситцами, лентами и разными сладостями — рождками, паточными леденцами, пряниками.

Писатель с охотой ходил на народные игрища, веселья, праздники. Он наблюдал нарядные хороводы, особенно красочные в ночь на 24 июня, когда, по славянскому обычаю, праздновали встречу лета. Подыхали на полях костры, и вокруг них допоздна водили хороводы.

Чарующая природа Щелыкова, здешние обычаи и предания, богатый песенный фольклор ощущаются в каждом стихе «Снегурочки».

Мы стоим на мосту. Гомонит Куекша, торопливо перекатываясь через запруду.

Мария Михайловна рассказывает о том, что Куекша изменила свое русло. Она показывает за мостом, вверх по реке, берег, теперь размытый, на котором во времена Островского стояла мельница с жерновами, с огромным водяным колесом и галереей над ним. У мельничного омута, сидя на железном стуле, часто рыбачил писатель.

Дорога от моста круто поднимается вверх, а вокруг внеогляд леса да леса, высокие и могучие, заповедные. Там, за ними, Волга, а на том, высоком правом берегу великой реки, древний город Кинецша. Александр Николаевич рассказывал: «Если бы этот уезд был подле Москвы или Петербурга, он бы давно превратился в бесконечный парк, его бы сравнивали с

лучшими местами Швейцарии и Италии».

На повороте с Галичского тракта в Щелыково когда-то стоял столб с надписью: «Щелыково, усадьба гг. Островских».

Лесной этот развилок драматург сделал местом встречи героев «Леса». Именно тут Аркашка Счастливцев повстречал Несчастливцева.

— Аркашка!

— Я, Геннадий Демьяныч.

Как есть весь тут.

— Куда и откуда?

— Из Вологды в Керчь-с.

Геннадий Демьяныч. А вы-с?

— Из Керчи в Вологду...

Нелегкая жизнь выпадала в то время на долю артистов. Из конца в конец России случалось им колесить, а порой и просто идти пешком в поисках работы.

Промчался мимо нас автобус.

— Туристы? — спросил я.

— Нет, это в Щелыковский дом отдыха едет новая группа отдыхающих. Многие артисты проводят здесь свой отпуск.

Меня потянуло ветером в парк.

Поднималась полная луна. Прохладой дышала земля, смоченная дождем. На аллеи, залитые лунным светом, падали тени старинных пихт, сосен, берез.

Где-то в глуши парка слышались голоса, и я не спеша побрел туда.

На скамье оживленно разговаривали трое мужчин. Они оказались артистами. И один из них — высокий, статный, лет под шестьдесят — Михаил Михайлович Садовский, артист Московского Малого театра. Его великий дед Пров Михайлович Садовский дружил с Александром Николаевичем и создал великолепные образы в его пьесах.

Михаил Михайлович рассказывает о нескольких поколениях династии Садовских, посвятивших свою жизнь театру, и ненароком признается:

— Пишу воспоминания о семье Садовских. Щелыковское очарование помогает и думать, и писать.

Человек, однажды открыв для себя Щелыково, будет всегда стремиться еще и еще раз побывать в этом дивном, насквозь русском уголке, таком, как книги Островского, как и весь он сам.

К. КУРНОСЕНКОВ.